

Транзит

Вот вы говорите, «окопная правда», а мне, если хотите знать, вообще претит такое выражение. С одной стороны - как будто ничего не значащее определение, а с другой - эта фраза вроде как претендует на некое новое откровение. Дескать, вот она, истина, которую вы так долго искали. А по сути, всё не так. Или, можно сказать наоборот: всё так же, как и раньше. Только раньше было приукрашивание, потом сплошь чернуха, а теперь идёт мифологизация общественного сознания, которая мне, быть может, даже отвратительнее, чем предыдущие фазы. Почему? Да потому что, в нынешнем, например, кинематографе исторические события показываются не то что тенденциозно – нет, много хуже! Такое впечатление, что создателям вообще всё равно, как и что происходило на самом деле. И это меня пугает. Вы, как я понял, полагаете, что раньше люди жили в полном неведении, но я с этим не согласен. Спору нет, в деле лакировки окружающей действительности сталинская пропаганда работала хоть и топорно, но усердно и, в целом, более успешно. Положительные моменты раздувались; какие-то факты, сами по себе нейтральные или даже отрицательные, подавались в более привлекательном виде. Негативные явления, наоборот, замалчивались - даже в тех случаях, когда были общеизвестными, как, например, перебои с хлебом. Ну и так далее. Если к чему-то был причастен только узкий круг людей, то в том же кругу всё, по преимуществу, и оставалось. Это я об относительно безобидных разговорах и слухах сейчас говорю – о тех, что не предполагали за собой злого умысла. А не то что о каких-то засекреченных сведениях, которые прямо противоречили официальному курсу. За такое можно было большие неприятности нажить. Считалось, антисоветская агитация. Тупые, говорите? Ну, может, и не особо умные, а всё же поумнее тех, что потом на смену к ним пришли. А что Чернобыль? Вот с тем же Чернобылем – какой смысл был в отрицании? Свинство-то свинство, пролетарская власть всегда отличалась повышенным свинством, но - какой смысл? Замолчать такую катастрофу нет ни малейшего шанса, через несколько дней пришлось признавать - дескать, да, имела место утечка радиации. Впрочем, к тому времени об этом и так всем было известно. Но людей уже погубили! Зачем, спрашивается? А просто так. Взрыв произошёл как раз накануне первого мая, так власти праздничные демонстрации устраивали, красивые речи говорили, вместо того, чтобы объявить чрезвычайное положение и разъяснить людям, что нужно дома сидеть с законопаченными окнами и дверями или эвакуироваться по мере возможности. Я вот читал, какого-то секретаря райкома обязали с маленьким ребёнком по городу ходить, в парке гулять, на каруселях кататься. Чтоб, значит, все видели, что опасности нет – раз даже слуги народа не боятся оставлять родных детей в зоне бедствия, вместо того, чтобы отправить первым же поездом к бабушке на Дальний Восток. Сомневаетесь, что раньше было бы иначе? Напрасно. Там же была совсем другая логика. «Враги проникли в святая святых военного объекта» - это же атомная электростанция, значит, военный объект! «В результате саботажа произошёл взрыв, преступники и их пособники задержаны и дают показания, соблюдайте меры предосторожности, в первую очередь эвакуируются дети, теснее сплотим ряды». Всё! Как раз совсем простой случай с точки зрения пропаганды. Ну да, и рты затыкали довольно рьяно, чтобы не было нежелательных слухов, хотя эта задача уже намного сложнее. Конечно, случались и такие ситуации, когда человек слово лишнее боялся сказать. Но то, что на каждой дружеской вечеринке был, якобы, свой стукач – тоже преувеличение. Опять же и от места зависит, в нашей области издавна много ссыльных живёт, значит, и инакомыслия больше. Так что есть разница – у нас или, скажем, в Москве. Там, скорее всего, сексотов хватало. А у нас и не ссыльные советскую власть не очень-то жаловали. Я вот, например, рос в столыпинском селе – что, не знаете, что такое столыпинское село? Это нужно вам объяснить, без этого вы не поймёте. Ну, про Столыпина-то вы знаете, правильно? А, “столыпинские галстуки”, говорите? Так это вам тоже пример эффективности промывки мозгов. Про репрессивные меры проклятого царского режима вы читали, а про крестьянскую реформу – нет. А между тем, переселенцев было больше трёх миллионов, именно с них началось масштабное освоение

целинных земель в Сибири, на Алтае, в Туркестанском крае. Но я вам лучше расскажу про то, что сам знаю. Дед мой переселился из Малороссии, их что-то около шестидесяти человек было из одной местности, они и на родине все меж собой были знакомы, хоть и не в одной деревне жили. Ехали не так, чтобы слишком весело, тяжело ведь покидать обжитые места, а на новом месте, кто знает, как ещё будет. Но всё же решились. Тут уж принуждение жизненных обстоятельств сказалось: нужда и малоземелье. Многие и хлеба-то наелись досыта лишь на новом месте. Нет, ну не сразу вот так взяли и поехали, это понятно. Сначала выбрали нескольких толковых мужиков, послали их ходоками, чтобы подыскать подходящие земли и закрепить их за собой. Это тоже всё непросто было. Крестьянин когда свободен? Зимой. А как зимой поймёшь, хорош ли участок? Вот и поехали сразу после страды. Работа ещё есть, но поменьше. Те, кто на месте оставался, помогал семьям ходоков. Наконец всё решилось, бумаги подписали и уже семьями отправились – с плачем, со стонами, со страхом. Но и с надеждой. Это уж на следующий год произошло, ранней весной, чтобы, значит, успеть на новом месте до зимы закрепиться. Ну и от государства была существенная помощь. Какая, спрашиваете? Во-первых, все переселенцы имели право на льготный проезд по железной дороге, только четверть стоимости билета оплачивали. Кроме этого каждой семье давали ссуду в сто пятьдесят рублей на начальное обустройство. Мало? Это сегодня на сто пятьдесят рублей ничего не купишь, а тогда, дед рассказывал, лошадь стоила пятьдесят рублей, корова – пятнадцать, пропашной инвентарь можно было за десять рублей купить. Вот тебе уже и вся движимость первой необходимости. Ну, с недвижимостью, конечно, похуже. Приезжали-то на голую землю, переселенческие наделы – это просто нарезанные участки, пустое пространство - где какое, смотря по местности. Где лесистое, где нет, а в наших краях - степь. Единственное, что переселенческое управление строило заранее, это колодцы. Ну переправы там, может, грунтовые дороги кое-где, по необходимости. А остальное – своим горбом. Но, конечно, огромную роль играла взаимопомощь. И вот что я вам скажу: наше село смешанное, переселенцы там не только из разных губерний были, но и разноязычные. Мои предки, как я уже сказал, из Малороссии, но имелись ещё две примерно равновеликие группы. Одна - из Белороссии, откуда-то из Гомельской губернии, а другая – из Саратовской губернии. Так вот, селились они по землячеству, компактно – так что даже и в моей юности легко можно было видеть, где начинается одна часть села и где начинается другая – например, крыши крыли по-разному. Но жили дружно, а через два поколения и перероднились многие. И никогда у нас не было того, что сейчас называют межнациональными конфликтами. Наоборот, это наглядный пример, как взаимное влияние способствовало благоденствию. Вот, например, вы сказали, что вам разнообразие местной кухни нравится. А всё поэтому – от каждого берётся самое лучшее, и возникает своеобразный сплав. И, между прочим, с местным населением, с сартами, тоже не было крупных ссор, хоть там уже не только язык, но и раса другая, и религия. Про мелкие ссоры спрашиваете? Ну а где их не бывает? Где есть соседи, там и мелкие ссоры возникают, главное, до крайностей не доходить. Про разноязычных – это я вот к чему. В первые же месяцы возникло своеобразное разделение ремёсел, например, на строительстве. Белорусы и саратовские растерялись немного поначалу – откуда у них навык саманные избы строить? Ну а леса нет – степь да степь кругом, как говорится. Зато глины сколько хочешь. Да какой! Масло, а не глина. А наши малороссы уже имели кое-какой опыт. Так и образовалось что-то вроде строительных бригад. Возводили стены. У белорусов мастера-печники были, саратовцы – плотники отличные, и даже краснотерёвщик среди них затесался. Расплачиваться постановили на другой год, зерном из будущего урожая. Для малосемейных переселенцев устраивались толоки - это когда ближайшие соседи, а иногда и целое село помогает выполнить какую-нибудь срочную или трудоёмкую работу. Всё делается добровольно и бесплатно, от хозяев требуется только стол обеспечить. И выпивку, говорите? Ну, может, и пили они там что-то, я таких подробностей не знаю. Но пьяниц среди переселенцев не было – пьяницы все дома остались. В общем, худо-бедно, но зиму никто не встретил без крыши над головой. А через три года все хозяйства были, можно сказать, зажиточными, хотя и в разной степени. А чего завидовать? Никто друг другу не мешает – на каждую мужскую душу нарезали по пятнадцать десятин, это

только при селе, да ещё огород возле дома. А мало тебе – так степь большая, можешь и дополнительный участок распахать, никто тебе мешать не станет. Опять же, от государства послабление - освобождение от налогов в течение пяти лет и ещё на пять лет – двукратное снижение ставки налогов. Мужчины на три года освобождались от воинской повинности. Да, когда первая мировая началась, уже всех забирали, они же ещё в девятьсот девятом году переселились. Ну и, вообще, начиная с первой мировой дела шли всё хуже и хуже. Но всё равно, вплоть до сорок седьмого года село наше летом было таким красивым! Посмотришь - что твой райский сад, так оно утопало в зелени фруктовых деревьев и кустов. Были некоторые орешины, например, что ещё от времён первоначального переселения стояли. Почему до сорок седьмого года? Да потому что Сталин натуральные налоги ввёл. И не только на фрукты, на домашний скот тоже. Что тут сделаешь? Деревья вырубил, скот забил. Наши умельцы, правда, и здесь нашли лазейку – посадили яблони, груши вдоль арыков за околицей села. С кого налог брать? Вроде как ничейные деревья. Ну со скотом сложнее, тут мысль крестьянских Архимедов дала осечку. Вот, это я вам про наше столыпинское село рассказал. Суть-то в том, что если людей держать в неведении, то любая агитация, даже самая наглая, может иметь успех. А если человек своими глазами видит, до чего советская власть довела – нет, не страну, а хотя бы его собственную деревню, - то у него уже своеобразный иммунитет имеется на официальную пропаганду. Теперь к разговору о сексотгах. Один из наших мужиков по имени Спартак в сорок пятом году воевал в Венгрии. Да, да, именно, как героя балета. С войны же, сами знаете, многие не вернулись, вот и отец мой где-то в Эстонии лежит, бедолага, в братской могиле. Уже в семидесятые наша семья меня откомандировала найти место захоронения, но ничего из этого так и не вышло. Примерно мы в курсе, где он погиб, есть там деревня Хелламаа, так вот, где-то в окрестностях. Но точно неизвестно, а списков погребённых нет. Теперь уже никогда и не узнаем, наверное. Между прочим, я и в военное училище пошёл из-за этого. Мама всё плакала в первые месяцы после похоронки, всё причитала: «Солдатик, солдатик!» Не знаю, наверное, у нас в доме своего рода культ отца был, вот я и решил – буду, как отец. Хотя какой он военный – он же по мобилизации ушёл, а так кузнецом работал. Ну, не об этом речь, а о том, что отцовские друзья – те, что в живых остались, здорово помогли нам после войны. Хотя у меня с сестрёнкой тоже были кое-какие обязанности по дому, но это всё мелочи. Кур покормить, грядку прополоть. Мы погодки, она тридцать третьего года рождения, а я - тридцать четвёртого. Совсем дети. Бабка старая. Поесть приготовить она ещё может, а огород вскопать у неё уже сил нет. А одна мать много ли наработает на участке? Да ещё будучи сельской учительницей: днём в школе, вечером тетрадки, зарплата нищенская. Не говоря том, что в деревенском хозяйстве всегда есть много такого, где мужская сила нужна. А мать и сложения далеко не богатырского, ей коня на скаку не остановить, это точно. Собственно друзей у отца было двое: дядя Спартак и ещё один, дядя Никита. Но если какая-то большая или тяжёлая работа, то они иногда и других мужиков с собой приводили. После работы, как водится, застолье, даже если дома – шаром покати. Но мама к этому относилась очень строго, не отпустит, пока не накормит. Кстати, и выпивали они, иногда даже крепко. Но хотя я не помню деталей, мне кажется, что выпивку Спартак приносил. У него виноградник был немалый, да и самогон он гнал, это я точно знаю, он сам рассказывал. Вот этот Спартак, как выпьет, так у него только и разговоров, что о Венгрии. На фронте он служил связистом, несколько раз ему приходилось бывать на постое у тамошних крестьян на хуторах, и однажды увиденное, похоже, не давало ему покоя. Какие у них погреба! Какие вина! Какие висят окорока! Нам до войны рассказывали, что венгерские крестьяне чуть ли не пухнут с голоду под гнётом помещиков, а там вон что. Какой там голод? У них чего только нет, у них и скотину-то никто не поит. «Как не поит?» - удивлялся какой-нибудь новый слушатель. А вот так, объяснял Спартак. У них там автоматические поилки. Корова сама подходит, нажимает носом на рычаг в лохани, и туда течёт вода - ровно столько, сколько нужно. Эти картины даже в столыпинской деревне вызывали у слушателей недоверчивое покачивание головой, но в то же время все понимали, что Спартак не врёт. Такими рассказами он года два развлекал односельчан, даже ввёл кое-какие венгерские новшества в своей винокурне, пока однажды не поехал в город продавать на

рынке зарезанного кабанчика и там не рассказал товарищам по прилавку свои чудесные истории. Недели через две его вызвали повесткой в областное управление госбезопасности. Спартак приехал оттуда потрясённый, шёпотом сообщив нескольким близким друзьям о том, что ему под подписку запретили рассказывать о Венгрии и взяли ещё одну дополнительную подписку о неразглашении содержания проведённой с ним беседы. Случайные знакомые с колхозного рынка оказались бдительными людьми. Впрочем, через месяц-другой случилась свадьба у сына наших соседей, и я сам был свидетелем, как Спартак, найдя благодарных слушателей в лице родственников невесты, приехавших из другого района, снова мечтательно вспоминал об автоматической поилке для коров. Почему не боялся, спрашиваете? Не знаю, возможно, был уверен, что никто не донесёт. В принципе, легко мог бы попасть под статью. Но пронесло, не попал, а через некоторое время этот венгерский фонтан как-то сам собой иссяк. Надо сказать, что в первые послевоенные годы фронтовики очень много и достаточно открыто говорили о войне, это же всё ещё очень живо было в памяти. И кое-что говорили вразрез с официальным курсом, так что Спартак в некотором смысле не исключение. Примеры, говорите? Ну, вот вам пример. Про маршала Жукова знаете? А какое у него было прозвище в солдатской среде, знаете? Я об этом с двенадцати лет знаю – всё из тех же разговоров отцовских друзей и их товарищей в нашей избе под самогон и нехитрую домашнюю снедь после какой-нибудь трудной работы. Так вот, прозвище у него было – «Мясник». Его назначений боялись как огня. На фронте часто ходили слухи, иногда совершенно беспочвенные, о том, что его перебрасывают на командование, и всё это сопровождалось безрадостными предчувствиями: «Жукова ставят, видать, не придётся вернуться домой». А ведь по радио и в печати, в том числе фронтовой, трубили: «гениальный полководец», «где Жуков, там победа». В общем, кто хотел видеть и слышать – видел и слышал, даже без статистики. Это сейчас мы знаем, что за бесполезный со стратегической точки зрения штурм Берлина Советский Союз заплатил страшную цену в полмиллиона солдатских жизней. А тогдашние фронтовики этого не знали, но, как ни странно, народная молва вынесла правильный приговор: Жуков – самый жестокий из плеяды советских полководцев, и секрет его военного дарования прост, он заключается в полном пренебрежении к «пушечному мясу». Сегодня, когда мало кто из участников войны остался в живых, гораздо проще заниматься мифотворчеством того периода, несмотря на обилие сведений, которые раньше были засекречены и недоступны. Во что ещё не верили? Да много было такого. Например, всё время разглагольствовало о том, что СССР – миролюбивое государство. Кстати, в те годы не особенно скрывалось, что страна готовится к войне, вернее, внедрялось своеобразное двоемыслие. «Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем!» То есть, как бы подразумевалось, что мы мирные, потому что пока что не готовы к войне, но война неизбежна, и воевать мы собираемся на чужой территории. Это ещё в тридцатые. И люди об этом хорошо знали, хотя государственная пропаганда твердила другое. Мутное оправдание причин конфликта с Финляндией. Мы у них потребовали уступку приграничной полосы, но агрессоры – всё равно финны. Или, скажем, послевоенное кино. Никто из наших вернувшихся с фронта односельчан не относился к тогдашним фильмам о войне серьёзно, даже если они им нравились. Нет, это вы зря. «Нравились» - это одно, а «правдивые» - это другое. Разные вещи. Песня «На Варшавском вокзале» может нравиться слушателю, но это не значит, что её содержание нужно принимать за хронику реальных событий. Или фильм про кубанских казаков – смотреть приятно, хоть и знаешь, что всё враньё! Так же и тут. Недаром Василь Быков однажды сказал после просмотра нашумевшего пафосного кино: «Я был на какой-то другой войне». Выходили многочисленные фильмы, изображавшие немцев трусами и идиотами, а наши фронтовики, я вам скажу, врага уважали. Да и если ты не уважаешь врага, если они сплошь трусливые дураки, то в чём тогда наше мужество и героизм? Почему у нас было гораздо больше потерь? Ах, они коварные? Ну так, значит, уже не дураки. А про то, что не трусы, я вам приведу одну любопытную историю. Нет, об этом я не в своём селе узнал, это уже много позже нам с Сашкой, моим однокашником по военному училищу, его отец рассказывал, Виктор Иванович. Он, заметьте, служил командиром взвода тяжёлых миномётов в

одиннадцатой гвардейской дивизии одиннадцатой армии третьего Белорусского фронта. Чем знаменита дивизия, спрашиваете? А тем, что одной из первых вошла в Германию в октябре сорок четвёртого года, через границу по речке Шешупе. Правда, успешное поначалу наступление вскоре захлебнулось, встретив яростное сопротивление, а через несколько недель немцы сумели отбить почти всю захваченную территорию. Но небольшой клин в лесу Кумете напротив городка Голдап всё же удалось оставить под контролем наших войск. Но я вам лучше передам всё так, как от Виктора Ивановича слышал и как запомнил. Интересной деталью было то, что именно там находились охотничьи угодья Геринга и его дача. Большой прямоугольный участок леса примерно в пять километров длиной и в два километра шириной был огорожен двухметровой проволочной сеткой. С одной из коротких сторон этого прямоугольника сетка подходила вплотную к озеру Голдап, оттуда был виден обороняемый немцами город. С другой стороны находилась резиденция рейхсминистра, подъездная дорога к ней и контрольно-пропускной пункт, или, как сейчас принято говорить, блокпост. И вот - по ночам, в обстановке полной секретности, туда стали вводить войска. Главным образом пехоту и артиллерийские подразделения вооружённые миномётами и лёгкими орудиями. Деревья в лесу стояли так густо, что почти нигде не было видно неба. Ну да, и во Вторую мировую полководцы пользовались для маскировки растительностью, не только в шестидесятых, во время вьетнамской компании. Нет, столько дефолианта произвести у немцев кишка была тонка, да к тому же для подобных операций полное господство в воздухе требуется, ещё и при условии слабой противовоздушной обороны противника - распылять-то нужно с низкой высоты. Ну, речь не о том. Словом, нагнали туда бойцов видимо-невидимо. С одной стороны, если судить по фронтовым меркам, – чистая благодать. Никаких боёв, никаких занятий, никаких работ. Ни тебе рытья окопов, ни рытья землянок, ни даже политинформации. Полный курорт! Разве что старшина устроит разгон из-за воротничков или грязной обуви. И даже развлечение имелось: в лесу было полно дичи. Козы, косули. Стрелять никак невозможно, при такой концентрации как раз попадёшь в кого-нибудь из своих же товарищей. Уж пытались кто как, кто загонять и руками дичь ловить, кто лассо накидывать. Похоже, что из этих затей так ни у кого ничего и не вышло, зато не скучно. Поначалу, пока у входа в резиденцию не поставили вооружённый караул, можно было даже внутрь дома войти, посмотреть на чучела зверей и разнообразные охотничьи ружья. С другой же стороны, по всем солдатским приметам, можно было ожидать наступления. Каждой ночью прибывали новые люди, а однажды в лесу появились джипы-амфибии. Тут уж стало всё ясно: предстоит прорыв к немцам через водную преграду. На следующий день распределили по амфибиям людей, в том числе и миномётчиков. Например, один артиллерийский расчёт на машину. В расчёте – тяжёлый миномёт, а это сто шестьдесят килограммов веса, плюс шесть человек. И в тот же день всю их батарею заставили таскать ящики с боеприпасами от особняка к заграждению у озера, где был устроен пункт боепитания. По завершении работ поставили там караул, и вот что произошло дальше. Ночью одному из часовых показалось, что между пунктом и оградой прошмыгнула дикая коза, вот он и полоснул в этом направлении очередью из автомата, запоздало крикнув: «Стоять! Кто идёт?» Уж очень хотелось попробовать свежатинок, а людей там быть – ну никак не могло! И тут же явственно услышал стон, да не козий, а самый что ни на есть человеческий. На звуки выстрелов пришёл начальник караула, начали осматривать заросли возле проволочной сетки и нашли двух солдат-связистов с радиостанцией, одного убитого, а второго, хотя и живого, но без сознания. По красноармейским книжкам выяснилось, что солдаты служат в составе находящейся в лесу воинской части. Послали в часть оповестить об инциденте и сообщить имена радистов, а оттуда пришёл неожиданный ответ: таковых в списках нет, и никогда не было. Сразу же вызвали СМЕРШ, а к тому времени и раненый очнулся. Из допроса выяснилось, что эти двое – немецкие разведчики. Воспользовавшись тем, что незнакомые лица не обращали на себя внимания, - в лесу ведь была мешанина из разных подразделений - мнимые связисты несколько дней находились в расположении советских войск. После появления амфибий, когда стали понятны намерения русских и примерный срок начала наступления, разведчики получили приказ вернуться в Голдап, но попытка пройти мимо пункта

боепитания закончилась для них плачевно. Пленный на ломаном русском языке рассказал и о том, что по вечерам, когда становилось темно, они даже питались из наших полевых кухонь. Что дальше, спрашиваете? Ну а что дальше? Операцию свернули, поскольку фактор неожиданности сошёл на нет, а у немцев, без сомнения, все близлежащие площади были заранее пристреляны, так что шансов на успех не оставалось никаких, только потери бы понесли. Ещё через два дня из леса уехали амфибии, а потом и пехоту с артиллерией направили на другие участки фронта. Но я вот что хотел подчеркнуть. Разве столь дерзкая вылазка в тыл противника, в самое, можно сказать, логово, возможна без мужества, без самообладания и готовности умереть, если потребуется, за свою страну? Особенно в конце сорок четвёртого, когда исход войны уже ни у кого не вызывал сомнений, в том числе и у немцев. Ведь вместо того, чтобы до последнего сражаться за безнадежное дело, они могли сдаться, могли и перебежчиками стать - я уверен, что их услуги были бы оценены, если бы они пошли на сотрудничество. Нет, суть не в том, что фанатики! Этак можно всех в фанатики записать. Как я уже говорил, в нашем селе идейных коммунистов не было, а воевали не хуже других, потому что правительство правительством, а родина родиной. Вот-вот, совершенно с вами согласен, сейчас пресса чересчур снисходительна к изменникам. Что к историческим – всякого рода власовцам, полицаям, что к современным. В Чечне, я читал, прямо с военных складов оружие и боеприпасы продавалось боевикам – и что? Одному дали восемь лет, ещё троим – по три года. А как надо было? Ну так, как и положено, - по законам военного времени. Я вам так скажу. Мне ещё ни одного участника войны не приходилось встречать, который бы оправдывал предателей. Нет, в этом я с вами не согласен. Плен – ещё не предательство. Тут и личные обстоятельства следует учитывать. Возьмите, например, сыновей тех, кто был раскулачен. Или других лишенцев, объявленных врагами народа. Или, например, тех, кто голод продразвёрстки и коллективизации пережил. В сорок первом году многие из них в призывном возрасте находились, их в армии было немало. За что им большевистский режим любить и, тем более, умирать за него? А ведь на фронте бывает, что выбор невелик: или-или. Либо плен, либо верная смерть. Но плен – это одно, а перейти на сторону врага и против своих воевать – совсем другое. Между прочим, у большинства людей разное отношение к плену и к предательству, хотя при Сталине всех военнопленных объявили изменниками. Зато теперь в прессе обозначилась обратная тенденция: всё в мире относительно, все хорошие. Да в том-то и дело, что иногда масса умнее, чем представители власти или «прогрессивная общественность», и инстинкты массы - более здоровые, что ли. Потому и говорю: предательство – оно и есть предательство, хоть позолоти его. Между прочим, Виктор Иванович одну забавную байку приводил, тоже как раз насчёт пропаганды. Эта история произошла во время нашего наступления на город Кальвария, что на юго-западе Литве, недалеко от польской границы. Во-первых, замечу, что успешно наступающая сторона обычно стремится держать огневой контакт с противником, насколько это позволяют ей тыловое обеспечение и инженерно-авиационная поддержка, а последний, напротив, старается оторваться и уйти на заранее оснащённые оборонительные рубежи. Так вот, немцы вели бой на хуторе в пяти километрах от Кальварии, но перед рассветом скрытно оставили позиции и на автомашинах переместились на шестьдесят или около того километров западнее, где у них имелась подготовленная линия обороны. Утром их уход был обнаружен, и наша пехота двинулась вперёд, но к тому времени, когда первому эшелону фронта удалось выйти к новой дислокации, противник успел и отдохнуть, и хорошо ознакомиться с новым местом. Военные действия вновь приобрели позиционный характер. А Кальвария, таким образом, не была затронута войной. Отступающие немцы быстро проехали через город в ночной тишине, ещё через день туда без единого выстрела вошла воинская часть второго эшелона, в которой служил Виктор Иванович. Ни в одном доме не видно было жителей, но по улицам ходило и бегало множество одетых в серые халаты людей. Они без боязни приближались к солдатам и пытались что-то говорить по-литовски, но среди бойцов не было никого, кто знал бы этот язык. Наконец удалось найти переводчика, которого привезли из соседней деревни, и тут всё выяснилось. На окраине Кальварии находилась психиатрическая лечебница. Жители, напуганные боями на хуторе,

забрали всё, что можно было унести, и покинули город, спрятавшись в лесу, а пациенты больницы, оставленные без присмотра, разбрелись по улицам. Происшествие это, само по себе не слишком примечательное, однако же, не осталось без внимания фронтовых журналистов. Через два дня вышла дивизионная газета «За нашу советскую Родину», где на первой странице была напечатана заметка с фотографией под крупным заголовком: «Жители Кальварии восторженно встречают своих освободителей». Вот вы смеётесь, и я смеялся, потому что мы с вами знаем, что там произошло на самом деле. А какой-нибудь юный следопыт найдёт эту или подобную газету в архивах – так ему и невдомёк. Как, вы говорите, в книжке у Оруэлла? «Министерство правды»? Талантливое название. Конечно, встречи мирного населения с войсками не всегда смешно заканчивались. Про немецкие жестокости мы все хорошо знаем, а о том, что происходило во время нашего наступления в Германии, только сейчас становится известно. Нет, я не думаю, что справедливо говорить о каком-то массовом зверстве, тем более, санкционированном. Наоборот, бывало, что военнослужащих за издевательства над мирным населением, за изнасилования и мародёрство расстреливали, мне дядя Никита говорил. Но случаи бессмысленной жестокости тоже имели место, и об одном из них я узнал ещё в детстве. Ну а что вы удивляетесь? Да, всё верно, такой у меня был богатый источник информации. Только он почти всегда и почти у всех есть, другое дело, что иногда люди не хотят ничего знать. В этом случае я бы, может, тоже предпочёл не знать, но беда в том, что признание сам слышал от нашего же земляка. Врал? Нет, не мог он врать, такими вещами не бравируют, о таком больше помалкивают. Повальное мародёрство, говорите? Ну, полагаю, что нужно уточнить, о чём идёт речь. Вот, например, на поле боя: убитый немец обыскивался, при этом всё ценное изымалось – пистолет, карта, часы. В рюкзаке можно было найти бритву, одеколон, хлеб, сало, мясные консервы, конфитюр. Могли также снять с него шинель или сапоги. Считалось, что в этом нет ничего дурного: мёртвому имуществу ни к чему. Иное дело - гражданское население на оккупированной территории. Наши мужики утверждали, что не знали случаев грабежа личного имущества непосредственно у жителей – это считалось плохим поступком. Исключение, по каким-то странным неписаным законам, составляли часы - их могли отобрать. А вот изъятие съестного или же фуража для лошадей велось беззастенчиво. Но это, между прочим, и в освобождаемых «братских республиках» происходило, не только в Германии. Никакой компенсации хозяевам не предлагалось. Разница в том, что на вражеской территории мирное население разбегалось. А если солдаты попадали, скажем, на мызу, брошенную хозяевами, то тут уж, предполагалось, можно забирать всё, что понравится. Но и этим мало кто злоупотреблял. Все ценные вещи и ювелирные изделия хозяева, как правило, уносили с собой. А, скажем, оставленную на мызе швейную машинку солдат тоже на горбу не потащит. Про случай с жестокостью спрашиваете? Честно говоря, до сих пор неприятно вспоминать. Эта военная хроника у меня, как заноза, в памяти сидит, и самое главное, что получена она, как я уже говорил, из первых уст. Дело почти сразу после победы было, осенью, в сорок пятом или сорок шестом, но, кажется, всё-таки в сорок шестом. Значит, мне на тот момент ещё и двенадцати лет не исполнилось, а дети в таком возрасте очень впечатлительны. Помнится, дядя Никита и дядя Спартак ремонтировали нам крышу, и на этот раз привели с собой ещё двоих, нашего соседа Федю Думченко, молодого парня, и Длинного Ивана - жил у нас такой мужик, вдовец, по фамилии Жук. Длинный – потому что очень высокого роста, да и вообще он крепкий был, крупный, широкий в плечах, выносливый, как вол. Нет, чтобы подковы гнул – этого я не видел, но он мог бы, точно говорю. Помню, что волосы у него были чёрные, а брови густые, сросшиеся на переносице. Близко он ни с кем не сходил, да и жил на отшибе, но если кто-то о помощи просил, не отказывал, правда, не бескорыстно. На этот раз матери почему-то дома не было, но всё равно после работы все сели за стол, бабка в погреб за картошкой полезла, чтобы со шкварками поджарить, Спартак быстренько за бутылкой сбежал к себе в сарай. Налили, выпили. Ну, слово за слово, поговорили об урожае, поругали райкомовских за то, что те так и не удосужились подвести к домам обещанное ещё весной электричество. Под эти разговоры распили вторую бутылку спартаковского самогона, дошла очередь и до венгерских окороков и поилок для

коров. А Длинный Иван как-то резво надрался, даром, что здоровенный с виду - и вдруг стал хвастать, что своими руками четверых фрицев убил. Видно, между ними и раньше такие разговоры шли, потому что Федя выразил сомнение, дескать, не поймёшь тебя, то ли троих, то ли четверых, усмехнувшись, сказал Ивану: «Не свисти! И не пей больше, а то скоро до десяти дойдёт». «Троих, - ответил Длинный, - это из винтовки. Да ещё девчонку на хуторе». В общем, рассказал он нам, что с ним произошло. Его отделение проходило мимо полуразрушенного хутора, на вид нежилого. А тут как будто дымком оттуда потянуло и запахом хлеба. Вот командир и послал Ивана посмотреть, нельзя ли раздобыть какой-нибудь еды. Тот зашёл, посмотрел – вроде, пусто. Но когда вышел во двор, услышал какой-то шорох возле колодца. Расположенный с правой стороны от ворот колодец был довольно большим, круглым, с выложенным из камня высоким оголовком. За оголовком, между стеной и колодцем, пряталась тщедушная девчонка, белокурая и белобрысая – так он её описал. Оттого, что она, стараясь быть незаметной, съежилась, прижимая колени к груди, платьице задралось. Увидев, что обнаружена и проследив за взглядом страшного небритого солдата, девчонка стала что-то быстро-быстро лопотать по-немецки, из чего Иван понял только слово «нихт». При этом она то обеими руками подтягивала вниз подол платья, то обеими же руками показывала на пальцах цифру двенадцать – видимо, пытаясь объяснить Ивану, что ей только двенадцать лет. «Ну и что ты её в покое не оставил? – спросил Федя, - Бросилась она на тебя, что ли? Или, может, у неё пистолет был?» «Какое там «бросилась», - ответил Длинный, - она вся тряслась от страха. Просто на меня вдруг такая ярость накатила – я взял вилы, которые там же у стены валялись, да и заколол её. У неё струйки крови изо рта побежали, а я приподнял вилами эту суку фашистскую и в колодец скинул – только пузыри пошли». Судя по тому, как спокойно Иван рассказывал о случившемся, никаких терзаний по этому поводу он не испытывал. В горнице, между тем, установилось тяжёлое молчание, прерванное бабкой. Вообще-то бабка у нас не гневливая была, добрая. А тут она как раз сковородку с картошкой несла подавать, и так грохнула ею об стол, что стаканы и ложки на пол посыпались. «Сволочь ты, Иван, - сказала, - не будет тебе счастья. Бог тебя накажет за то, что ты невинного ребёнка погубил. А сейчас иди-ка ты подобру-поздорову из моего дома и больше не приходи никогда». Ну а что Иван? У него, знаете ли, лицо было такое, не слишком выразительное, во всяком случае, я на нём никаких изменений не увидел. Встал да пошёл. Между прочим, бабка у нас знахаркой была, об этом и раньше на селе знали. Но случилось так, что Иван после того вечера не долго прожил. И года не миновало, как он похудел, почернел заметно, а однажды не вышел в колхоз на работу. За ним послали, а он уже мёртвый. Сбылось предсказание, только не знаю, к добру ли. Всего лишь совпадение, конечно, но односельчане после того случая бабку побаиваться стали. Хотя и слава об её знахарстве на весь район разнеслась. К нам однажды даже секретарь обкома на волге пожаловал – младенец у него плакал, не переставая, вот и приехал заговаривать. Ну, об этом я вам в другой раз расскажу, если ещё будете в наших краях, а пока до свидания – вон уже мой автобус к платформе подают. И вам спасибо за компанию!